

Аттила, покинув войско, возвратился в свои края, с надеждой и воодушевлением собрал в Паннонии еще большее войско, чтобы вторгнуться в Италию. В первую очередь он решил покорить расположенный в Италии город Аквилею, который и осаждал на протяжении трех лет. Жители города мужественно сражались, и он не преуспел в осаде, а в его собственном войске стал подниматься ропот, ибо оно уже больше не могло выдержать тягот голода. И вот, когда он однажды объезжал город, чтобы разведать, с какой стороны удобнее напасть, вдруг увидел, как птицы, которые обычно гнездятся на крышах домов и называются аистами, внезапно поднялись над городом и, взяв в клювы своих птенцов, перенесли их наружу, за городские стены. «Смотрите, — сказал он своим, — птицы, зная о грядущем падении города, покидают его». И вот, направив машины и приободлив своих, он храбро напал на город и взял его без промедления. Они разграбили имущество, жителей перебили и захватили в полон, а то, что осталось после грабежа, поглотил пожар. Среди жительниц этого города самой благородной была девушка по имени Дигна, или Достойная, прекрасная обликом, но еще в большей степени украшенная стыдливостью. Ее жилище находилось у городских укреплений, а к дому примыкала высокая башня, подножие которой река Натисса омывала своими прозрачными водами, и вот, чтобы не подвергнуться горькому бесчестью со стороны врагов и уберечь красоту своей души от насилия похоти, едва недруги проникли в город и взяли его, она появилась перед ними и, поднявшись на описанную выше башню, бросилась головой вниз в пучину, опасаясь потерять свое целомудрие. Вот так она положила достопамятный конец своей жизни.

Аттила разорил и разграбил множество городов и замков, расположенных в этой области, перебив гарнизоны и захватив в плен жителей Конкордии, Альтина или Падуи. Отсюда он прошел почти по всем венецианским городам, а именно Венеции, Вероне, Брешии, Пергамо, которые сдались гуннам без сопротивления, Милан и Тичино постигла та же участь: они их разграбили, не предав огню и мечу. Затем, разорив город Эмилию, они расположились лагерем в том самом месте, где река Минчио впадает в Пад. Здесь Аттила стал раздумывать, отправляться ли ему к Риму или воздержаться от этого, и усомнился, не столько опасаясь жителей города, сколько помня о том, что произошло с Аларихом, который немногим пережил взятие столицы. И вот, пока его душа терзалась сомнениями, из Рима прибыло миролюбивое посольство. Сам святейший Папа Лев отправился к нему. Прибыв к королю варваров, он добился исполнения всех своих желаний и избавил не только Рим, но и всю Италию. Страшась Божьего гнева, Аттила не смел сказать священнику Христову ничего, кроме тех слов, которые тот от него надеялся услышать. Утверждают, что после отбытия понтифика приближенные спросили Аттилу, почему вопреки своему обыкновению он выказал Римскому Папе подобное почтение и уступил почти всем его требованиям. На что король ответил, что выказал подобное почтение не прибывшему, но тому мужу, который стоял в белом священническом одеянии и угрожал ему, то есть королю, обнаженным мечом, коли он не исполнит все, о чем говорит проситель. И вот Аттила, чья жестокость была смягчена подобным образом, покинул Италию и отправился назад в Паннонию. Тем временем Гонория, сестра императора Валентиниана, которую брат держал в девичестве и чистоте, послала к нему своего внука с просьбой, чтобы он, Аттила, отнял ее у брата и женился на ней. Услышав подобную просьбу, Аттила, поскольку его войско уже покинуло пределы Италии и воины, утомленные походом, не могли возвратиться, приказал императору Валентиниану, угрожая, что в скором будущем снова вторгнется в Италию, немедленно передать ему свою сестру вместе с положенными ей в приданое землями. Возвратившись в свои края, он, уже имея множество жен, женился на девушке по имени Ильдихо, на свадьбе с которой он выпил вина столь много, сколь не пивал прежде, и, охмелев, заснул, но от крови, которая нередко шла у него из носа, он захлебнулся и умер. Той же самой ночью во сне император Марциан увидел Аттилу со сломанным луком, а именно на этот вид оружия его племя более всего полагалось в сражениях.

«...»

Между тем ненависть всегда найдет где укорениться, и вот император Валентиниан, опасаясь, как бы отпрыски Аэция не стали его наследниками, убил полководца и благородного сенатора Аэция мечом. Вот так храбрый *муж* Аэций, который некогда навел страх на могущественного короля Аттилу и благодаря которому была спасена вся Западная империя, не смог уже более облегчить ее участь. Но и сам Валентиниан вскоре после этого не избежал смерти, ибо на следующий год он был пронзен Транзилой, телохранителем Аэция.

Павел Дьякон. «Римская история». XV, 9 — 13; 15